

НАТАЛЯ
ЗВЯГИНЦЕВА

МРАМОРНЫЙ
СЛОН

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-45

Разработка серии, дизайн
и иллюстрация на обложке *Юрия Щербакова*
Редактор серии *Л. Латышова*

Звягинцева, Наталья.

З-45 Мраморный слон / Наталья Звягинцева. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-250598-0

Княгиня Рагозина могла одним словом изменить чью-то судьбу, поэтому каждый званый обед в ее усадьбе с мраморными слонами становился долгожданным событием. Однажды прием окончился трагедией: в наряде княгини жестоким образом была убита молодая особа...

Что же произошло в усадьбе? Как платье княгини оказалось на другой? И почему ее убили? Чтобы найти ответы, княгине Рагозиной нужна помощь самого лучшего сыщика — графа Вислотского. Вот только есть одна проблема — он уже два года ни при каких обстоятельствах не покидает своего дома. Однако княгиня найдет способ заставить графа взяться за расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Звягинцева Н., 2026

© Оформление.

ISBN 978-5-04-250598-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Эта книга посвящается
моей семье*

Отнюдь не часто совершаются убийства в старых дворянских домах в самом центре Москвы. Но раз уж подобное произошло, то требует оно добросовестного и тщательного расследования. И самые очевидные причины злодеяния здесь — желание заполучить несметные богатства жадных стариков, отпрыски которых устали ждать их смерти, или любовь, а вернее, болезненное помешательство одной персоны на другой, искажённое, вывернутое наизнанку и превращённое в отчаянную ревность, а зачастую и ненависть. Ещё же случаются преступления из мести — импульсивной, сиюминутной, порывистой или обдуманной и выношенной годами. А пожалуй, что и нет больше причин, если не брать в расчёт случайности и убийства в состоянии затуманенного разума.

Теперь же обратимся к самому преступнику. Скажем откровенно, за десять лет, что минуло с московского пожара 1812 года, преступник обмельчал, подвергся деградации и оказался начисто лишён хоть какого-то воображения. Допустим, что убийство совершено с целью наживы неопытными и откровенно глупыми наследниками — они не обдумывают способ убийства, делают всё впопыхах, а потом надеются, что смогут избежать наказания. Как ни удивительно, это часто у них получается. О причинах подобных случаев можно рассуждать долго и скучно, в итоге придя к выводу, что убийства здесь вовсе не было, а старый дворянин мёртв, так как просто пришло его время.

Полковник Смоловой, опытный полицейский, ох как не любил связываться с высшим светом. Но и он, несмотря на звание и награды, был человеком подневольным. Уже час он сидел в своём крошечном кабинете, что занимал в полицейском управлении города Москвы, и сверлил бесцветными глазами раскрытую картонную папку с исписанными рукой полицейского писаря листами. Папка значилась за номером 113 и имела пометку, указывающую, что дело это об убийстве.

Когда его разбудили посреди ночи и доставили на место преступления, он сначала

решил, что это розыгрыш. Ну кто, позвольте спросить, решил убить именно этого человека? Это же абсолютно бессмысленно! И почему на виду у всех? И таким странным образом? Действительно, мысль, что это чья-то глупая шутка, уж очень манила полковника. Но теперь, сидя за столом и ещё раз припоминая подробности увиденного, Смоловый понимал: всё это чистая правда — сомнений быть не могло.

На мгновение лицо полковника перекошилось. В этом деле он должен показать себя как никогда! Сделать всё возможное и невозможное и поймать душегуба! Нельзя ударить в грязь лицом, тем более когда рядом маячит этот граф в сопровождении молодого Василия Громова. Им он в этом расследовании не уступит.

Он снова опустил глаза к папке и стал изучать всё, что ему рассказали за время допросов, чтобы расположить события в правильном порядке и наконец увидеть всю картину целиком.

— Ну что ж, — пробормотал Смоловый, — попробуем ещё разок... Началось всё с... Так-так, утро пятницы...

Глава 1

Была самая обычная пятница. Первые лучи скудного ноябрьского солнца подсветили два мраморных хобота, поднятых вверх и похожих на змей, готовых к смертоносному броску. Они венчали головы монументальных изваяний, видимо представляющих каких-то мифических существ неизвестной породы. Помимо слоновьих голов, эти чудовища имели когтистые птичьи лапы, массивные туловища, покрытые чешуёй, и длинные хвосты с кисточками на концах. Существа, высеченные неизвестным скульптором из цельных кусков белого мрамора, размещались по сторонам от парадного входа московского особняка княгини Анны Павловны Рагозиной. И именно из-за их причудливых форм дом этот в городе иначе как «Мраморный слон» не именовали.

Богатый особняк княгини находился на одной из ближайших к Кремлю улиц и хорошо был известен хлебосольностью и гостеприимством. Особенно по пятницам. Именно в этот день каждую неделю сезона Анна Павловна делала у себя приёмы, на которые быть приглашёнными почитали за честь все аристократы и прочие видные деятели старой столицы.

Утро нынче началось как ничем не примечательное, за исключением того, что одна из горничных, а именно Евдокия Удалова, или просто Дуня, не поднялась с постели. Причина была банальная, никого не удивившая. Накануне девушка сильно бледнела и постоянно хваталась за живот, так что её было решено не выпускать к господам. За ночь состояние Дуни ухудшилось. Мадам Дабль, экономка княгини, чопорная француженка сорока восьми лет, прямая и длинная, как жердь, мельком взглянула на белое лицо горничной и, недовольно поджав губы, процедила:

— Ешели завтра не поднимешься, отошлу в деревню. Вот там и нахворашся вволю.

Всё же остальное в доме шло по плану. Продукты подвезли строго ко времени, так что на кухне уже вовсю ошипывали сотню чёрных цыплят, которых должны были за обедом по-

дать под брусничным соусом на французский манер. По всему дому натирался паркет, полировались зеркала и ставились новые свечи.

Княгиня Рагозина в столь ранний час уже не спала. С возрастом ей всё меньше требовалось времени на ночной отдых, так что с первыми лучами солнца она открывала глаза, но вставать не торопилась. Любила она утренние час-два провести в мягкой постели за каким-нибудь полезным делом. Могла созерцать сквозь раздвинутые шторы небо и ветви раскидистой яблони, что росла перед самыми её окнами. Могла погрузиться о прошедшей молодости, весёлой и яркой. Могла и поразмыслить о будущем, хоть его, в силу возраста, у неё оставалось не так уж много.

Сегодня же была пятница, и это означало, что придётся княгине с утра поработать. Приладив старое треснутое пенсне на такой же старый нос, Анна Павловна с живым интересом начала просматривать свежую газету из стопки бумаг, лежавших на прикроватном столике. Было там и несколько рукописных листков, где перечислялись самые последние сплетни и темы, популярные нынче среди московского бомонда. Княгиня изучала новости и происшествия, имевшие место за последние дни, чтобы не ударить в грязь лицом на

собственном приёме. Дело это было важное, ответственное и значило много для поддержания соответствующей репутации.

Анна Павловна в свете считалась личностью незаурядной и привлекала к себе немало внимания. Первое и главное, по мнению многих, достоинство вдовствующей хозяйки «Мраморного слона» заключалось в неприличного размера состоянии и очень преклонном возрасте княгини. У неё было множество близких и дальних родственников, с которыми она поддерживала отношения и коим всегда была готова помочь хоть материально, хоть советом, если только видела для этой помощи веские причины. В противных же случаях она ограничивалась приглашением на свой пятничный обед, что, кстати, тоже было немало.

Чтобы читатель более ясно представил себе старую княгиню, скажем, что была она невысокого роста, подтянутая, но в силу возраста уже страдала различного рода недугами, в частности мучили её больные колени, из-за которых старушка почти не могла ходить самостоятельно. По этой причине всё чаще передвигалась она по огромному дому на колёсном кресле, сконструированном специально для неё. Волосы княгини, походившие на пух одуванчика, такие же белые и пушистые, всегда были скрыты

кружевным чепцом с оборками. А глаза, излучая живой блеск и выдавая не уставшего от жизни человека, цепко подмечали всё, что она могла разглядеть при своём сносном ещё зрении.

Также неоспоримыми достоинствами старой княгини считались её признанное всеведение (мы уже поняли почему) и острый язык, от которого не мог защитить ни громкий титул, ни видное положение в обществе. Напротив, чем значительнее была персона, тем сильнее она интересовала княгиню и тем вернее при встрече Анна Павловна заводила неудобный разговор или делала неуместное замечание. За это свойство некоторые её боялись и даже не любили, в душе желая старой карге побыстрее отправиться на тот свет. Однако никто из этих «доброжелателей», получив приглашение на пятничный обед к Анне Павловне, не отказывался, а при встрече каждый сердечно её благодарил.

Итак, в эту пятницу всё начиналось как всегда. Лакеи спешили по адресам, доставляя приглашения. Горничные доставали из сундуков парадные крахмальные скатерти и столовое серебро. С вечно поджатыми губами за всем происходящим с высоты своего роста наблюдала экономка мадам Дабль, изредка делая короткие замечания.

Зазвенел колокольчик. Горничная Анфиса, что была назначена сегодня подменять заболевшую Дуню, и два крепких лакея сорвались с места и поспешили к спальне княгини Рагозиной.

— А что же Дуняша, не оправилась? — спросила княгиня, увидев вошедшую к ней девушку.

— Нет, ваша милость. Хворая она ещё. — Анфиса поклонилась и в нерешительности застыла у дверей.

Анна Павловна недовольно хмыкнула. Потом отложила раскрытую газету на столик и со вздохом сказала:

— Ну что столбом стоишь? Делай свою работу, раз пришла.

Девушка с заученной чёткостью закружилась по комнате. Не прошло и получаса, а княгиня была умыта, причёсана и в домашнем платье и любимом кружевном чепце восседала на передвижном колёсном кресле. Было оно скорее похоже на небольшой трон, на котором при желании могли разместиться три барышни в модных в ту пору муслиновых платьях или одна в платье с самой широкой старомодной юбкой. Княгиня таких нарядов не носила и в просторном кресле казалась ещё более сухой и миниатюрной. С обеих сторон Анфиса обложила старушку парчовы-

ми подушками, чтобы она крепко сидела и не заваливалась на бок во время движения.

Едва горничная успела вытолкать кресло с княгиней из её спальни и покатить по коридору, устланному длинным ковром, при этом лакеи последовали за ними, образуя привычную процессию передвижения княгини по дому, как тут же появилась худая сутулая женщина в жёлтом полинялом платье и таком же чепце; лицо женщины было заплаканное и красное. То была госпожа Лисина.

— Доброго здравия вам, Анна Павловна! — заискивающим тоном начала она и, сгорбившись больше обыкновения, пошла рядом с креслом княгини. — Вы позволите мне составить компанию вам по дороге? Вы сегодня удивительно свежи! Хорошо спали, я полагаю.

— Недурно, вполне недурно, — благосклонно кивнула княгиня, хотя уже понимала, что Ольга Григорьевна не зря поджидала у самой её спальни и что сейчас должна разыгаться драма.

— Я так рада, что с вашим здоровьем теперь всё хорошо! И спите вы долго и крепко... — Женщина резко всхлипнула.

Княгиня Рагозина тяжело вздохнула и покосилась на Ольгу Григорьевну. Та поспеши-

ла объяснить своё состояние — прижав руки к плоской груди, она запричитала на ходу:

— А я вот совсем перестала... Всё думаю, думаю о том, что же теперь будет... Что нам теперь делать?

Княгиня поняла, что речь пойдёт об этом разбойнике Петре, сыне Ольги. Сколько раз уже она пожалела, что приютила свою дальнюю-предальнюю родственницу и её сына-студента. Но с другой стороны, не сделай она этого, куда бы пошли эти несчастные? Родня всё-таки.

— Что на этот раз приключилось? — с безразличием в голосе спросила княгиня.

Служанка остановила кресло у края лестницы. Лакеи подняли трон вместе с хозяйкой и, не обращая внимания на порывы Ольги Григорьевны схватить княгиню за руку, благополучно спустились на первый этаж. Женщина в жёлтом следовала по пятам.

— Душа моя, благодетельница наша Анна Павловна, не дай нам пропасть, — вдруг взвыла Лисина и повалилась на колени перед самым креслом княгини, перегородив ей путь. — Петенька мой, он такой добрый, доверчивый мальчик! Обманом его заманили на какую-то квартиру и выманили все деньги, что вы своей милостью даёте ему на месяц.

Но эти бандиты не остановились на сём злодеянии и заставили моего милого мальчика дать им расписку, а там такой долг прописан! Такой долг! Что и за полгода не выплатить...

С княгиней произошла резкая метаморфоза. Спина её выпрямилась, голова вскинулась, а нижняя челюсть выдвинулась вперёд. Острый взгляд немигающих глаз застыл на просительнице.

— А скажи-ка мне, не играл ли твой сын в карты? — холодно спросила Рагозина.

— Да как можно, — залепетала Ольга Григорьевна, — он никогда... Но он такой добрый, доверчивый... Обманули его, силой заставили. Прошу, помогите! Мне не к кому больше идти...

Княгиня молча сделала знак лакеям, чтобы те отодвинули плачущую женщину и освободили путь для кресла. В прошлом месяце Анна Павловна, поддавшись на уговоры Лисиной, уже покрыла два небольших карточных долга её сынка-оболтуса, тогда же предупредила, что больше этим заниматься не станет, и сейчас решила сдержать своё слово. В ответ на стенания и причитания родственницы княгиня отчеканила:

— Вот умру, получишь от меня тысячу рублей в наследство и делай с ними что хо-

чешь, но пока я жива, и копейки больше на это не дам.

В малой столовой всё было готово к завтраку. За накрытым на десять персон круглым столом пустовали два места. Ожидали хозяйку, стула на её месте не стояло. Княгиню вкатили в столовую на кресле и так установили к столу. Последнее свободное место предназначалось Ольге Григорьевне Лисиной, бедной родственнице княгини, которая по известным причинам сегодня к завтраку не вышла.

Слуги, до этого тихо стоявшие вдоль стены, засуетились, зазвенели посудой, и столовая наполнилась звуками и запахами, что должны сопровождать каждый завтрак в приличном доме.

— Что там за шум приключился? — полюбопытствовала белокурая красавица Анюта Белецкая, младшая внучка княгини.

Анна Павловна лишь махнула рукой:

— Пустое. — Но всё же бросила сердитый взгляд на сидевшего через стол от неё Петра Лисина, молодого человека с длинными чёрными волосами. Потом перевела взгляд на барышню, от этого взгляд княгини потеплел. — Расскажи лучше мне одну из твоих занимательных историй, Аннет...

Серебряный голосок зажурчал, сливаясь с другими. За столом заговорили сразу на несколько тем. В основном говорили о пустом, о домашнем, разнообразие внесла мадам Дабль, которая имела обыкновение завтракать за одним столом со своею хозяйкой. Женщины прожили под одной крышей уже два десятка лет и считали друг друга почти родственницами. Взглянув на часы, что стояли на каминной полке, француженка с недовольным видом сообщила, что к обеду выписаны были ананасы, но их, видимо, уже не привезут, и что скрипачи из театра в этот раз запросили двойную цену, с чем она была решительно не согласна.

Опрятного вида брюнет наклонился к сидевшей рядом с ним барышне. Их сходство сразу указывало на близкое родство. Такие же тёмные глаза под длинными ресницами, вьющиеся каштановые волосы, белая кожа и красные губы. И выражения их лиц были похожи — с лёгкой отстранённостью от всего окружающего. То были родные брат и сестра — Борис и Лизавета Добронравовы.

— До меня дошли слухи, — с равнодушным видом протянул Борис, — что ты, дорогая сестрёнка, опять дала отставку сразу двум кавалерам. Я начинаю переживать за твою репутацию...

Договорить он не успел, Лиза пронзила его ледяным взглядом и с насмешкой заметила:

— Зато ты, братец, ещё не вскружил ни одной красивой головки, хоть и старше меня будешь. Подумай лучше о своей репутации.

Барышня резко отвернулась и хотела уже заговорить с седоусым генералом Константином Фёдоровичем Зориным, за обе щеки уплетающим холодную свинину вприкуску с ломтём поджаренного хлеба. Борис же решил, что их разговор ещё не окончен, и всем корпусом подался к сестре. И наверняка могла бы случиться ссора, как это часто бывало среди молодых людей, но в этот момент генерал, громко икнув, откинулся на спинку стула и неловким взмахом руки опрокинул бокал с остатками красного вина, что стоял на самом краю стола. Осколки разлетелись по паркету.

— Ох, до чего ж я неловок, — удручённо запричитал он, — возраст, знаете, берёт своё. Прошу у всех прощения. И у тебя, милая княгинюшка, в особенности. Знаю я, как ты дорожишь своим хрусталём. Прости меня, старого дурака-вояку. Всё никак не привыкну к мирной жизни. С моими манерами только в палатке да в чистом поле и завтракать, — генерал с силой стал растирать отёкшее запястье. — Рана ста-

рая, уж пора бы забыть о ней, но не выходит, вот рука стала плохо слушаться.

— Полноте, друг мой Константин Фёдорович. Уж лучше осколки посуды собирать, чем осколки отношений, — княгиня строго посмотрела на Бориса и Лизавету и погрозила им пальцем. Потом эту же руку протянула генералу, сидевшему за столом слева от неё, и он нежно прижался к ней белыми пушистыми усами. — Но вот вино в столь ранний час никого до добра ещё не доводило.

— Ох, матушка, знаю я эту свою слабость, знаю. Но что же мне делать, коль ничего кроме вина употреблять и не хочется. Чая я с детства на дух не переношу.

— А что вы скажете за кофе? — низким грудным голосом спросила мадам Дабль.

— Кофе? — генерал удивлённо переспросил, как будто только сейчас узнал, что кроме чая и вина существуют другие напитки. — От кофе у меня несварение. Как выпью глоточек, так в меня целый день ничего уж больше не лезет.

Значительно кивнув лакею, Константин Фёдорович тут же получил новую порцию свинины и бокал вина. И всё своё внимание незамедлительно переключил на них.

— А я вот, — мечтательно протянул импозантный мужчина лет сорока пяти, зани-

мавший место по другую сторону от княгини Рагозиной, — ничего против кофий не имею. В Петербурге мы с Варенькой часто на завтрак только кофий и французские булочки употребляем. И ничего больше. Ваша манера завтракать немного старомодна, княгиня, но очень милая и домашняя.

Говорившего звали Фирс Львович Мелех, очередной дальний родственник княгини из Петербурга. Одет он был по последней моде, сверкал белоснежными манжетами и дорогой алмазной булавкой, приколотой к искусно повязанному, но не совсем уместно-пышному шёлковому шейному шарфу. Он с дочерью Варварой приехал навестить Анну Павловну и проживал в её доме вот уже третий месяц.

Рагозина слегка склонила голову вбок, не удостоив Фирса Львовича ответом. Аннет, которая всё время пристально наблюдала за бабушкой, заметила, как уголки её губ насмешливо дрогнули. Знала старушка что-то о дядюшке, чего никто не знал, но молчала, сколько Аннет ни пыталась у неё выведать.

Хоть ссора и не случилась, Борис всё же решил обидеться на сестру и, демонстративно отодвинув свой стул в сторону, оказался почти вплотную прижат к миловидной дочери Фирса Львовича Варваре. На барышне было

светлое воздушное платье, перехваченное под самой грудью широкой атласной лентой. К лёгкой кружевной оборке почти у самого плеча была приколота брошь с крупным алмазом. От близости молодого человека Варя опустила глаза и так и просидела, не притронувшись к еде, до самого конца завтрака.

Не обращая на это никакого внимания, Борис с живостью пустился в пространные обсуждения нового экипажа графа Вислотского, недавно виденного им на Неглинной. Экипаж, по словам Добронравова, имел удивительно мягкий ход и необычную форму подножки. Кучер же гнал со всей мочи, и больше ничего рассмотреть не удалось.

— А этот граф престранный тип, надо сказать, — неожиданно, оторвавшись от свинины, снова подал голос генерал. — Знавал я его батюшку, ныне покойного. Уж скоро два года как будет. Воевали вместе. Большими друзьями мы были. Душа компании. Да, вот так и было. А Николу ещё мальчонкой помню, смышлёный был, бойкий, смеялся всё время. А сейчас как изменился, просто диву даюсь, нелюдимый сделался, прямо затворник. Давно уж он в обществе не показывается, с дамами знаться не хочет. Поговаривают, что связался с нечистым... Да только всё это глупости...